

Е.Ю. Мелешкина*

ОТВЕРГАЯ СИМВОЛИКУ ПРОШЛОГО: ВЛИЯНИЕ УСЛОВИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА ПРИНЯТИЕ ЗАКОНОВ О ДЕКОММУНИЗАЦИИ¹

Аннотация. В фокусе внимания статьи – принятие законодательных норм о запрете коммунистических символов в посткоммунистических странах. Выявляются условия, в которых происходило появление соответствующих юридических норм. С помощью качественного сравнительного анализа выделяются типы стран, одоббивших запрет на коммунистическую символику, их отличия по совокупности условий.

Ключевые слова: коммунистические символы; законы о декоммунизации; посткоммунистические страны; качественный сравнительный анализ.

E.Yu. Meleshkina

Rejecting symbols of the past: Impact of political conditions on decommunization laws

Abstract. The article focuses on legal prohibition of communist symbols in post-communist countries. Conditions of the prohibition are highlighted. The author applies qualitative comparative analysis to create a typology of countries had bent the communist symbols. The typology is based on varieties of sets of the conditions.

* **Мелешкина Елена Юрьевна**, доктор политических наук, заведующая отделом политической науки ИНИОН РАН, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО (У) МИД РФ (Москва), e-mail: elenameleshkina@yandex.ru

Meleshkina Elena, Institute of Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia); Moscow State Institute of International Relations, MFA Russia (Moscow, Russia), e-mail: elenameleshkina@yandex.ru.

¹ Исследование выполнено на средства гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01589) в Институте научной информации по общественным наукам РАН.

Keywords: communist symbols; decommunization laws; post-communist countries; qualitative comparative analysis.

Прошло больше 20 лет после падения коммунистических режимов в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Несмотря на ряд сходных черт в начале нового пути, обусловленных коммунистическим прошлым, эти государства сейчас различаются по качеству государственного управления, специфике политического режима, внешнеполитическому курсу и ряду других характеристик. Различия траекторий развития во многом определяются проводимой в этих странах политикой по отношению к прошлому, в том числе к существовавшим в коммунистический период институтам, включая их символическое и кадровое наполнение.

Интерес к политике памяти в посткоммунистических странах со стороны политологов и представителей смежных дисциплин довольно высок. За последние десять лет было опубликовано немало монографий и статей на эту тему¹. Вместе с тем среди них мало работ, в которых осуществляется систематический кросснациональный сравнительный анализ «политики памяти» или ее отдельных компонентов. Среди таковых выделяются, пожалуй, две монографии.

Первая – коллективное исследование «режимов памяти», сложившихся после падения коммунистических режимов. Результаты проекта нашли отражение в коллективной монографии «Двадцать лет после коммунизма: Политика памяти и коммеморации» под редакцией М. Бернарда и Я. Кубика. Помимо фокусированных сравнений, в ней с помощью качественного сравнительного анализа (QCA) исследуется влияние различных факторов на типы «режимов памяти» [Twenty years after, 2014].

В данной работе используются два основных понятия: «режим памяти» и «мнемотические акторы», участвующие в соревновании за государственную власть и удержание ее в своих руках. Учитывая занимаемую политическими силами позицию по отношению к определенному историческому периоду или событию, авторы определяют типы «мнемотических акторов». В зависимо-

¹ См., например: [Past and making, 2007; History of Communism in Europe, 2010; Memory and change, 2015; History, memory and politics, 2014; Историческая политика, 2012].

сти от конфигурации «мнемотических акторов» выявляются типы режимов памяти. С помощью качественного сравнительного анализа исследователи пытаются решить достаточно сложную исследовательскую задачу формализации элементов символической политики и выявления отдельных групп посткоммунистических стран, отличающихся совокупностью условий существования разных типов «режимов памяти».

Исследование интересно как в плане типологии режимов, так и в части выводов относительно групп стран. Однако допущения авторов и выводы не бесспорны. Во-первых, вызывают некоторое сомнение принципы типологизации самих режимов на основе преобладания «мнемотических акторов» того или иного типа. Несомненно, характер основных акторов – важный фактор, однако тип режима определяется также условиями, в которых они действуют (в частности, значимо согласие по базовым принципам функционирования политики), и взаимоотношения между ними. Во-вторых, вызывает сомнение узкое понимание «режима памяти» как явления, выстраивающегося вокруг какого-либо события. Под политическим режимом в политической науке принято понимать явление более высокого уровня обобщения, включая принципы, нормы, правила и практики, регулирующие взаимодействие акторов в определенной сфере. Режим предполагает определенную степень институционализации и длительности. В рамках одного «режима памяти» может быть несколько значимых событий, в которых проявляется его суть, а отношения между акторами вокруг них могут отличаться.

Анализируя данный коллективный труд, следует сделать следующую оговорку. Задача типологии режимов памяти в более широком понимании, их операционализация, формализация признаков и сведение их в группы со значениями, которые могут использоваться для QCA, – довольно сложная, требующая не только большой концептуальной работы, но и, вероятно, более углубленных казусно-ориентированных исследований. Принимая во внимание это обстоятельство, следует, вероятно, признать описанный опыт проведения качественного сравнительного анализа успешным, открывающим перспективы дальнейших сравнительных исследований в этой области.

Вторая монография – исследование Н. Копосова, посвященное «законам памяти» [Korosov, 2017]. Автор сравнивает характер

«законов памяти», отмечая различия в функциях, которые эти акты выполняют в Западной и Восточной Европе. Он показывает, как в Западной Европе законодательство о Холокосте служило целям интеграции Европы, предупреждению национальных и этнических конфликтов, борьбе с расизмом. В Восточной Европе, напротив, «законы памяти» способствуют созданию нарратива, выгодного отдельным государствам и охраняющего память о виновниках преступлений наряду с их жертвами. Н. Копосов показывает, как эволюционировала политика в отношении этих законов в посткоммунистических странах, выявляет причины этого процесса, включая изменения международной среды и некоторые внутриполитические факторы.

Хотя работа Н. Копосова и не содержит такого исследовательского инструментария, как монография под редакцией М. Бернарда и Я. Кубика, позволяющего на систематической основе сравнивать казусы в малых выборках, а географический охват исследования ограничен странами Западной и Восточной Европы, ее значение для исследования посткоммунистической политики, включая ее символическую составляющую, сложно переоценить. В частности, эта работа убедительно показывает, что «законы памяти», в том числе законы о декоммунизации, являются важным инструментом политического соревнования. Специфика законов о декоммунизации, история их принятия и реализации позволяет судить об особенностях «политики памяти» в той или иной стране и сделать предположения о характеристиках этой политики, объединяющих некоторые страны в типологические группы.

В фокусе внимания данной статьи также находятся законы о декоммунизации в посткоммунистических странах. Однако мы рассматриваем не все эти законы, а только принятие законодательных норм о запрете коммунистических символов. Основное внимание при этом уделяется условиям, в которых происходило появление соответствующих юридических норм. На основе сравнительного анализа в работе выявляются типы стран, одоббивших запрет на коммунистическую символику, их отличия по совокупности этих условий.

Исследовательская стратегия и описание выборки

Для определения влияния совокупности условий на принятие декоммунистических законов использовались два метода: метод качественного сравнительного анализа (QCA)¹, который отчасти позволяет преодолеть размежевание между сторонниками количественных и качественных методов изучения относительно исследования причинно-следственной связи [Mahoney, Goertz, 2006], и метод фокусированного сравнения стран, принявших соответствующее законодательство.

Качественный сравнительный анализ был выбран с учетом трех обстоятельств.

1. Он изначально появился как ответ на вызовы, связанные с ограниченными познавательными возможностями количественных и качественных методов. Логика анализа, характерная для первой группы методов, предполагает прежде всего выявление общезначимых или даже универсальных тенденций. Индивидуальные особенности казусов для этого оказываются неважны, как и их целостность и уникальность. В то же время ориентированность качественных методов на углубленное исследование отдельных казусов предполагает слабую формализацию, что осложняет сравнение казусов между собой и их обобщение. Качественный сравнительный анализ позволяет сохранить казусную ориентированность и задачи формализации и сравнения.

2. Непросто выделить причины рассматриваемого явления и их иерархию в силу сложности самого объекта исследования (принятие решений относительно запрета коммунистической символики – многоаспектный процесс, имеющий не только функциональное, но и большое символическое значение). Наиболее адекватной исследовательским задачам представляется логика качественного сравнительного анализа, предполагающая исследование казуса в его целостности и совокупности, без однозначного разделения на зависимые и независимые переменные, и учитывающая возможность сочетания условий, в которых изучаемое явление наблюдается в разных казусах.

¹ О QCA см. подробно, например: [Ragin, 1987; Ragin, 2008, *Configurational comparative methods*, 2008; Rihoux, Marx, 2013].

3. Качественный сравнительный анализ позволяет работать с малыми и средними выборками, для анализа которых редко подходят количественные методы, а применение качественных методов оставляет много нерешенных вопросов сравнения и обобщения.

Применяя QCA в нашем исследовании, мы учитывали обозначенные особенности этой стратегии. В частности, мы надеялись получить не данные об общих тенденциях, а выявить различия между странами на основе сходных для небольших групп совокупностей условий, в которых произошло исследуемое событие. В работе используется *crisp set QCA*, который основан на бинарном оценивании признаков на основе истинности или ложности высказывания относительно них.

В нашей работе в качестве результата (или «отклика» – в терминах QCA) рассматривается не тип режима памяти, а факт принятия или непринятия запретительных норм относительно коммунистической символики, который лишь косвенно может характеризовать «режим памяти».

В фокусе внимания статьи находятся посткоммунистические государства. В выборке 25 стран: были включены не все посткоммунистические страны, а только те, по которым имелись данные по всем используемым в исследовании переменным-условиям. В частности, в выборке нет некоторых государств, в отношении которых отсутствуют данные индекса институциональных и экономических реформ (об использовании индекса в исследовании см. ниже). Это некоторые страны постюгославского пространства и Монголия. Не была включена бывшая ГДР по причине ее объединения с ФРГ.

Запрет на коммунистическую символику был введен в семи посткоммунистических странах (Польша, Венгрия, Литва, Латвия, Молдова, Грузия и Украина), и в одной (Эстония) соответствующие законодательные нормы были одобрены в первом чтении в парламенте¹. В некоторых других странах (например, в Албании, Чехии и Словакии) были приняты законы, запрещающие тоталитарную идеологию и ее символы, однако специального упомина-

¹ По причине успешного прохождения законодательных норм в парламенте в первом чтении мы условно включили Эстонию в группу стран, запретивших коммунистическую символику. Бывшую ГДР, где был введен запрет на коммунистическую символику, мы, напротив, не рассматриваем по причине объединения с ФРГ в единое государство.

ния коммунистической идеологии и ее символов в этих документах нет, поэтому мы не относим эти страны к группе, где был введен специальный запрет на коммунистические символы. В 2005 г. и 2007 г. соответственно в Чехии было выдвинуто предложение дополнить законодательство запретом пропаганды коммунизма и коммунистических символов, однако эти попытки не имели успеха. Возможный запрет красной звезды как символа Югославской народной армии во время гражданской войны обсуждается в настоящее время в Хорватии, однако пока это не привело к появлению законодательного запрета на коммунистические символы.

Из тех стран, которые ввели запрет на коммунистическую символику, только в двух (в Венгрии и Латвии) соответствующие законы были приняты сразу после свержения коммунистического режима. В остальных государствах этот запрет ввели позже. Это было связано с изменением характера политики памяти, который произошел во многих посткоммунистических странах в середине – второй половине 2000-х годов. Как отмечает Н. Копосов, ситуация с политикой памяти в Восточной Европе существенно изменилась в 2004–2008 гг. Н. Копосов связывает это с рядом факторов, среди которых усиление популярности крайне правых политических сил в Европе, вступление некоторых посткоммунистических стран в Европейский союз, консолидация политического режима в России, российской внутренней (включая политику памяти) и внешней политики (в том числе усиление вмешательства во внутренние процессы соседних стран, в первую очередь Украины) [Koposov, 2017, p. 170]. И действительно, в новых условиях в середине 2000-х годов активизировались споры о прошлом между Россией, Украиной, странами Балтии и Польшей. Эти «войны памяти» способствовали формированию нового климата отношений внутри стран в Восточной Европе, между государствами и в регионе в целом.

Симптоматично, что характер принимаемых законов относительно запрета коммунистической символики во второй половине 2000-х годов и в последующее десятилетие был строже. Новые законы или поправки включали в себя больше ограничений или санкции за нарушение норм. Это согласуется с выводами Н. Копосова об общем характере эволюции в отношении к «законам памяти» как инструменту политики памяти в середине – второй половине 2000-х годов. Изменения касались не только географического распространения этих законов (в основном в странах, граничащих

с Россией), но и их модели. В них более отчетливо прослеживались идеи виктимизации соответствующих стран и их населения, а также криминализации отрицания преступлений не только фашистского режима, но и коммунистического [Korosov, 2017, p. 173–176].

Первой ввела запрет Латвия. Коммунистическая символика там была запрещена в 1991 г. Произошло это на фоне событий переходного периода, когда советский режим на территории государств Балтии был признан оккупационным, а его символы – проводниками и символами идеологии коммунизма и тоталитарной власти. Согласно принятым законодательным нормам, максимальное наказание для физических лиц составляло 250 латов либо 15 суток ареста, для юридических – штраф в 2,5 тысячи латов.

В первоначальном виде запрет не распространялся на праздничные мероприятия. В 2013 г. Сейм Латвии ввел поправки к законодательству, которые запрещают, за некоторыми исключениями, использовать советскую и нацистскую символику на публичных праздничных, памятных и развлекательных мероприятиях. Поправки накладывают запрет на использование, в том числе в стилизованном виде, флагов, гербов, гимнов и символики бывших СССР, ЛатССР и нацистской Германии, униформ, нацистской свастики, знаков SS, советского серпа и молота и пятиконечной звезды. Исключение составляют ситуации, когда цель использования этой символики не связана с прославлением тоталитарных режимов или оправданием их преступлений, например в кинематографе.

Венгрия – вторая страна, где коммунистическую символику запретили после смены режима, в 1993 г. В 2000 г. в стране было введено уголовное наказание за использование коммунистической символики (серп и молот, красная звезда). Практика применения этой нормы вызвала возражения Европейского Суда по правам человека. В 2008 г. Суд осудил Венгрию за уголовное наказание заместителя главы Рабочей партии Венгрии, который прикрепил к одежде красную звезду во время публичной демонстрации. Аналогичное решение было вынесено в 2011 г. В феврале 2011 г. Конституционный суд страны признал эти нормы неконституционными. В апреле 2013 г. была принята новая редакция закона в соответствии с решением Европейского Суда по правам человека.

В других странах запрет на коммунистическую символику относится к концу 2000-х – началу 2010-х годов. В Литве соответствующий закон приняли в 2008 г. Было запрещено использование

советской и нацистской символики, гимнов, формы и изображений лидеров национал-социалистов Германии и КПСС. Известны случаи наказания за соответствующие действия физических и юридических лиц, включая газету «Комсомольская правда в Литве» за символику на главной странице издания.

В Эстонии советскую символику хотели запретить с 2007 г. Согласно предложенным поправкам к Уголовному кодексу, наряду с фашистской символикой под запрет попадали демонстрация и продажа флагов, гербов и других атрибутов, связанных с существованием СССР, союзных республик СССР и Коммунистической партии Советского Союза. За нарушение предусматривались штрафы и административные аресты, а также лишение свободы до трех лет, в случае если разжигание розни с помощью символики приведет к «тяжелым последствиям». Проект преодолел первое чтение в парламенте. В ходе предварительного обсуждения поправок к положению о наказаниях канцлер права Эстонии (омбудсмен) А. Йыкс высказал мнение, что законопроект необоснованно ограничивает свободу выражения мнений, слишком расплывчато формулирует признаки действий, которые следует считать запрещенными. В 2016 г. общественный деятель и юрист С. Середенко обратился за разъяснениями в Министерство внутренних дел Эстонии о наличии запрета коммунистической символики, где ему был дан ответ об отсутствии такового.

В Польше коммунистическая символика запрещена с 2009 г. Соответствующий закон предусматривал штраф или лишение свободы до двух лет за их хранение, приобретение и распространение. В 2011 г. Конституционный суд признал незаконным наказание за хранение и распространение символики. В 2016 г. в Польше был принят закон, запрещающий пропаганду коммунизма и любого другого тоталитарного строя, предполагающий, что никакие строения, дороги, улицы, мосты и другие объекты в публичном пространстве не могут носить напоминающих о коммунизме названий или символов. В середине июля 2017 г. президент страны Анджей Дуда подписал поправки в закон о запрете пропаганды коммунизма, которые предусматривают снос советских памятников на польской территории.

Следующей в хронологическом порядке страной была Грузия. Там запрет коммунистической символики был законодательно закреплен в 2011 г., однако первоначально этот документ не предусматри-

вал наказания. Нормы, устанавливающие наказание, вступили в силу в 2013 г. За первое нарушение предусматривалось предупреждение, за последующие – штраф в 1 тыс. лари. На сегодняшний день неизвестно о каких-либо случаях применения закона.

В Молдавии закон, запрещающий использование коммунистических символов в политических целях, в том числе и во время избирательных кампаний, а также пропаганду тоталитарной идеологии, был предложен в 2009 г. и принят в 2012 г. За нарушение он предполагал штраф до 10 тыс. леев. Однако в 2013 г. Конституционный суд страны обратился в Венецианскую комиссию с просьбой оценить этот закон. Комиссия сообщила о нарушении статей Европейской конвенции по правам человека и отсутствии связи между тоталитарной коммунистической идеологией и символами серпа и молота, которые использует Партия коммунистов Республики Молдова. В июне 2013 г. Конституционный суд Молдавии признал неконституционным запрет коммунистической символики.

Последняя страна, в которой введены соответствующие законодательные нормы, – Украина. Там попытка запретить советскую символику была предпринята еще в 2006 г. Соответствующий законопроект внесли в Верховную раду депутаты фракции БЮТ. В нем также предлагалось изменить советские названия улиц и демонтировать памятники и мемориальные доски бывшим руководителям СССР и КПСС. Однако тогда этот проект не был рассмотрен.

В 2015 г. были приняты четыре закона из «декоммунизационного пакета» («Об увековечении победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945»; «О доступе к архивам репрессивных органов коммунистического тоталитарного режима 1917–1991 гг.»; «Об осуждении коммунистического и национал-социалистического (нацистского) тоталитарных режимов на Украине и запрете пропаганды их символики»; «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX веке»). Они осуждали коммунистический режим, декларировали открытие архивов советских спецслужб, запрещение советской символики, необходимость переименования населенных пунктов. Устанавливалась уголовная ответственность для лиц, открыто выражающих коммунистические взгляды и отрицающих «преступления коммунистического тоталитарного режима». За пропаганду коммунистических (герб, флаг, также гимн СССР) и нацистских символов предполагалось

одинаковое наказание в виде тюремного заключения сроком до пяти лет. В 2015–2016 гг. наказаний за использование коммунистической символики не было, первый приговор вынесен в 2017 г.

Условия принятия декоммунистических законов

Нами был выделен ряд факторов-условий, потенциально способных, как мы предполагали, повлиять на принятие законов о запрете коммунистической символики.

Первый фактор-условие – это опыт существования в качестве составной части Российской империи и (или) СССР, унаследовавшего многие черты имперской организации [см., например: Мелешкина, 2013 а; 2013 б] (условие С). Это отразилось не только на специфике институциональных традиций: в этих государствах сохраняются потенциальная открытость и несогласованность границ различного рода (территориальных, политических, культурных, экономических), сопровождающиеся рассеиванием контроля центра и отсутствием согласия населения по «устанавливающим» вопросам [см., например: Мелешкина, 2012; 2013 а; 2013 б]. Нерешенные проблемы национального и государственного строительства обуславливают использование при формировании идентичности «негативной» аргументации: отвержение символов, традиций, норм, носителем которых выступает или выступал бывший имперский центр.

Второй фактор-условие – наличие традиций собственной государственности в XX в., которая имеет особое значение по следующей причине. Именно в XX в. международное сообщество стало позиционировать себя как мировое; были выработаны во многом евроцентричные требования и нормы в отношении новых государств и разработаны основные механизмы контроля за реализацией этих норм. Помимо этого, в XX в. европейские страны наиболее отчетливо столкнулись с одновременным соревнованием между различными моделями организации власти (между имперской формой и современным государством, между авторитарными формами и демократией), и это соревнование распространилось на весь мир.

Посткоммунистические страны, имевшие опыт самостоятельной государственности, формирования нации и демократиза-

ции в XX в., демонстрируют склонность к воспроизводству некоторых институтов управления, правовых норм и в целом некоторые черты организации власти межвоенного периода [Stark, Brust, 1998; Crzymala-Busse, 2002 и др.]. У них имеются более развитые основания для общегосударственной идентичности граждан. Отсылка к этому опыту, его противопоставление более позднему периоду существования в составе СССР или даже в рамках Варшавского договора могут использоваться в качестве важного элемента преодоления институционального и символического наследия. Поэтому в качестве одного из гипотетических условий, способных в совокупности с другими повлиять на принятие законов о запрете коммунистической символики, мы использовали в нашем исследовании оценку истинности высказывания относительно наличия опыта самостоятельной государственности (условие А). Истинным это выражение считалось только в том случае, если независимая государственность существовала такое количество времени, которое позволило наработать собственный опыт институционального строительства в области государственного управления, формирования нации и т.п. На постсоветском пространстве только страны Балтии обладали таким опытом в межвоенный период.

Кодируя это условие для России, мы учитывали, что в XX в. Россия выступала преимущественно как центр СССР – государственного образования, обладавшего многими чертами имперской организации власти. Опыт строительства институтов современного государства и нации в нынешних границах у России был крайне ограниченным и сопоставимым с некоторыми другими республиками будущего СССР, соответствующее высказывание в отношении которых оценивалось как ложное. Поэтому и в отношении России мы оценили это высказывание как ложное.

Третий фактор-условие – характер переходного периода, точнее, соотношение сил между режимом и оппозицией в этот период. Как отмечал еще С. Хантингтон, реакция нового режима на прошлое и соответствующие варианты развития событий зависят от модели трансформации старого режима и роли взаимодействий между основными политическими силами (например, переговоров) [Хантингтон, 2003].

Эту идею довольно плодотворно, на наш взгляд, развивает Х. Вэлш. Она отмечает значимость такого фактора, как смена элит и расстановка политических сил в начале демократизации и на

всем ее протяжении. В частности, особое значение, по ее мнению, имеют отказ сторонников старого режима от внутренних изменений и переговоров с другими политическими силами, а также потеря их влияния на политические события после поражения на учредительных выборах. Вэлш также обращает внимание на важный фактор времени, отмечая, что со временем отношение к прошлому режиму может стать инструментом в борьбе за власть, используемым для ослабления политических соперников. Этот фактор играет особую роль, если сторонникам старого режима удастся внутренняя трансформация и они остаются популярной политической силой [Welsh, 1996].

При отборе факторов-условий, которые возможно учесть при проведении качественного сравнительного анализа в нашем случае, мы остановились на соотношении сил в период смены режима. Эта характеристика носит универсальный характер в силу ясности временно́го отрезка и может быть применена ко всем странам выборки, как принявшим запретительные нормы, так и не сделавшим этого. В отличие от нее, внутренняя трансформация сторонников старого режима и их популярность сложнее поддаются формализации в первую очередь в силу неопределенности временного промежутка: в одних странах выборы запреты были введены в определенное время, в других – не были. Однако Х. Вэлш, несомненно, права, утверждая, что когда сторонники старого режима эволюционируют и остаются влиятельной политической силой, отношение к прошлому режиму может выступать инструментом в борьбе за власть. Однако мы использовали этот фактор только при анализе группы стран, введших запреты на использование коммунистической символики.

При формализации соотношения сил в период смены режима мы опирались на анализ, проведенный М. Макфолом, который показывает, как тип возникающего режима во многом определяется тем, откуда шел импульс политических преобразований. М. Макфол выделяет три варианта соотношения политических сил, повлиявших на «выбор» различных траекторий режимных преобразований: перевес в политическом противоборстве на стороне радикальных реформаторов, опиравшихся на поддержку «снизу» и действовавших «извне» властвующей элиты; сила на стороне представителей старого режима, которые «сверху» навязывали новые правила игры; относительно длительный период баланса сил [McFaul, 2002]. По мне-

нию М. Макфола, только первый вариант создает наиболее благоприятные условия для демократизации. Поэтому в нашем исследовании разнообразие вариантов расстановки политических сил в период режимных перемен сведено к двум вариантам: доминирование реформаторов и остальные типы (фактор-условие D). Оценки по странам были выставлены с учетом данных М. Макфола.

Четвертый фактор-условие – отсутствие конкуренции внутриэлитных групп и возможность ресурсного обеспечения доминирования одной группы (концентрации ресурсов в руках одной элитной группы вне зависимости от их количества) (фактор-условие E). Этот фактор имеет особое значение для определения природы конкурентной среды и необходимости использования символических действий в конъюнктурных целях для борьбы с соперниками. Кроме того, как показал М. Макфол, переход к авторитарному режиму обычно осуществляется при доминировании сторонников старого режима. Логично предположить, что эти силы вряд ли будут использовать запрет символов прошлого как инструмент политической борьбы.

Данный фактор-условие кодировался на основе экспертной оценки. При этом истинным высказывание считалось тогда, когда в той или иной стране одна политическая группа доминирует в течение длительного времени. Так, для России данное выражение оценивалось как истинное (при этом мы учитывали, что в 1999–2000 гг. не произошло смены власти), в то время как для Грузии и Украины, например, как ложное, несмотря на доминирование отдельных политических сил в тот или иной период времени (в обеих странах власть менялась неоднократно, доминирующим акторам не удавалось сосредоточить в своих руках ресурсы, необходимые для сохранения власти). Относительно Беларуси данное высказывание оценивалось как истинное, при этом мы учитывали длительность периода существования режима А. Лукашенко.

Пятый фактор-условие – это характер осуществляемых в переходный период после падения коммунистического режима реформ (F и G). В отношении некоторых других процессов, например, институционального развития и преодоления институционального наследия прошлого, данный фактор играет важную функциональную роль. В частности, для трансформации политических институтов существенное значение имеют периоды «критических развилочек», во время которых наиболее явно проявляется влияние

агентивных факторов. В эти моменты политического развития возрастает неопределенность, и акторы побуждаются к выбору альтернативных институциональных решений. В то же время решения, принятые в период «критических развилок», и их последовательность формируют паттерны последующего институционального развития той или иной страны, задают последующую логику воспроизводства институтов. Поэтому этот фактор приобретает самостоятельное значение для определения характера и результатов институциональных изменений. В нашем же случае (принятие запретительных норм) данный фактор имеет скорее символическое значение, косвенно указывая на намерение акторов преодолеть институциональное и, возможно, символическое наследие прошлого режима или сохранить его.

Опираясь на наши предыдущие исследования [Мелешкина, 2012; Мелешкина, 2016], мы выделили три варианта осуществления институциональных реформ. Первый: радикальная смена старых (в том числе имперских по сути) институтов, полный слом старой структуры управления и правил и попытка их замещения новыми (или / и, применительно к некоторым посткоммунистическим странам, заимствованными из прошлого довоенного опыта). Второй: сохранение преемственности между старыми и новыми институтами. Третий: непоследовательное осуществление институциональных реформ. Этот вариант предполагает сосуществование старых и новых норм, правил и механизмов, часто противоречащих друг другу, усиление ситуации неопределенности, обострение противоречий между формальными и неформальными нормами и процедурами.

Для учета типа стратегии реформ мы обратились к подсчетам Т. Фрая, использовав исчисленный им на основе данных ЕБРР за период с 1990 по 2004 г. с помощью метода главных компонент индекс институциональных и экономических реформ [Frye, 2010, p. 75]. При этом все страны разбиты нами на три группы. В первую группу попали страны, индекс которых не превышал значения 5,5 (государства, сохранившие высокую институциональную преемственность). Во вторую группу вошли страны со значением индекса в промежутке от 5,51 до 8. Третья группа включала те страны, значение индекса у которых превышало 8 (условно государства с радикальной стратегией реформ).

Поскольку таблицы истинности требуют бинарных категорий анализа, переменная, отражающая стратегии реформ, была разбита на две (стратегия реформ 1 – F, стратегия реформ 2 – G). Что касается первой переменной (F), то высказывание оценивалось как истинное, если страна относилась к группе стран с высокой степенью институциональной преемственности. В остальных случаях высказывание оценивалось как ложное. По переменной G высказывание оценивалось как истинное относительно стран, где осуществлялась радикальная стратегия реформ (страны третьей группы). У остальных оно оценивалось как ложное.

Шестой фактор-условие – это люстрация (H). Учитывая, что серьезная люстрация была проведена лишь в некоторых посткоммунистических странах («пионером» является Чехия), а в остальных она носила скорее символический характер, ее нельзя рассматривать как мощный инструмент смены элит. Скорее этот фактор, как и предыдущий, имеет больше символическое значение, обозначая стремление правящих кругов к отказу от наследия прошлого режима.

И, наконец, седьмой фактор – это вхождение в Европейский союз (условие B). В данном случае факт вхождения в Евросоюз интересует нас не столько с точки зрения того, какие рамки это накладывает на страны-члены и какие возможности предоставляет, сколько как свидетельство геополитического выбора государств. В 2004 г. в ЕС вступили Венгрия, Польша, Латвия, Литва, Эстония, Словакия, Словения, Чехия. В 2007 г. к ним присоединились Болгария и Румыния, в 2013 г. Хорватия. Молдавия, Украина и Грузия не стали членами ЕС, однако имеют с ним соглашения об ассоциации, как и не входящие в ЕС страны бывшей СФРЮ и Албания.

Результаты эмпирического анализа и их интерпретация

Для выявления совокупности условий принятия законов, запрещающих коммунистическую символику, в соответствующих странах и выявления отличий между ними был проведен качественный сравнительный анализ.

Результаты классификации стран на основе выделенных выше условий и результатов (запрещение коммунистической символики) представлены в таблице. Прописной буквой обозначены

положительные ответы на вопросы об истинности высказываний относительно определенного условия, строчной буквой – отрицательные.

Логическое уравнение для стран, где были приняты законы о запрете коммунистических символов, выглядит следующим образом:

$$J=A+aB+bC+cD+defG+gH.$$

Как следует из уравнения, законодательство о запрете коммунистических символов принималось под влиянием совокупности разных условий в разных странах. Однако можно выделить ряд общих характеристик, отличающих государства, где были приняты законы о запрете коммунистической символики.

Таблица

Таблица истин

Количество казусов	A Традиции независимой государственности в 20 в.	B Внешняя рамка (членство в ЕС)	C Вхождение в состав Российской империи или СССР	D Характер переходного периода (соотношение сил)	E Доминирование одной элитной группы	F, G Радикализм реформ	H Принятие законов о люстрации	J «Выход»
4	A	B	C	D	e	f, G	H	J
3	a	B	C	D, d	e	f, G	H, h	J
1	A	B	C	D	e	f, G	H	J
7 ¹	a	B	C	D	E	F, f, g	H	J
3 ²	a	B	C	D	e	f, G, g	H	J
3 ³	A	B, b	C	D	e	f, g	H, h	J
2 ⁴	a	B	C	D, d	e	f, g	H	J
1 ⁵	a	B	C	D	e	f, g	H	J

¹ Азербайджан, Казахстан, Узбекистан, Россия, Беларусь, Таджикистан, Туркмения.

² Словакия, Словения, Хорватия.

³ Албания, Болгария, Румыния.

⁴ Армения, Киргизия.

⁵ Македония.

Во-первых, почти все эти страны ранее входили в состав СССР или были частью Российской империи. Исключение составляет Венгрия. Вместе с тем Венгрия во второй половине XX в. входила в Организацию Варшавского договора и находилась в зоне влияния СССР. Кроме того, в 1956 г. в страну были введены советские войска для подавления выступлений против коммунистического режима.

Во-вторых, все эти страны отличаются определенной степенью радикализма реформ, осуществленных после падения коммунистического режима. Реформы здесь носили радикальный либо непоследовательный характер. Ни в одной из этих стран не реализовывался курс на сохранение старых институтов, пусть и в измененном виде.

Все эти страны объединяет также отсутствие доминирования одной политической силы на основе концентрации в ее руках ресурсов, позволяющих поддерживать такое доминирование длительное время. Все эти страны имеют конкурентные режимы, что предполагает возможность использования политики памяти как одного из действенных инструментов политической борьбы.

Еще одна объединяющая эти государства характеристика – это принятие законодательных норм, предусматривающих люстрацию. Исключение составляет Молдавия, где с 1999 г. было несколько предложений принять соответствующий закон, но парламент не поддержал их. Важно отметить, что люстрация в большинстве посткоммунистических стран нашей выборки (кроме Чехии) носила сравнительно мягкий характер и имела скорее символическое значение.

Еще одна объединяющая эти страны характеристика – членство в Европейском союзе или договор об ассоциации с ним. Членами ЕС с 2004 г. являются Венгрия, Латвия, Литва, Польша и Эстония. Грузия, Молдавия и Украина заключили с ЕС договоры об ассоциации. Эти документы вступили в силу позже принятия законодательства о запрете коммунистических символов, однако их подписанию предшествовал подготовительный этап. Сам факт их заключения свидетельствует об определенном геополитическом выборе этих стран.

Показательно, что такие характеристики, как тип коммунистического режима и характер переходного периода во время смены старого режима, не являются объединяющими для этих стран

условиями. Отчасти это можно объяснить тем, что в большинстве этих государств соответствующие запретительные меры принимались начиная со второй половины 2000-х годов, когда политическая ситуация в значительной степени поменялась, некоторые страны пережили гражданские войны и «цветные» революции, а на повестку дня вышли другие, более значимые проблемы.

Внутри группы стран, принявших запретительные нормы относительно коммунистических символов (как оговаривалось выше, мы условно относим сюда и Эстонию), можно выделить три подгруппы.

Первая подгруппа – это страны Балтии и Польша.

Логическое уравнение применительно к этим странам с использованием характеристик, указанных в таблице, выглядит следующим образом:

$$J = ABCDefGH.$$

Как следует из этого уравнения, это наиболее гомогенная группа: для них характерно наибольшее количество общих условий. Помимо отмеченных в уравнении, можно выделить еще ряд характеристик, объединяющих эти страны. Это немалый опыт самостоятельной государственности в XX в. и менее длительный период коммунистического правления. Вероятно, обе эти характеристики также способствовали формированию благоприятных условий для принятия норм, запрещающих коммунистические символы. В этих странах еще и сейчас есть живые носители опыта политического развития докоммунистического периода. Для политической риторики этих стран характерна апелляция к опыту самостоятельного государственного и национального строительства.

Вторая группа стран – это Украина, Молдавия и Грузия. Она также отличается относительной компактностью в плане сходства характеристик. Однако в этих странах несколько больше внутренних различий, а также есть особенности, отличающие их от стран первой группы.

Логическое уравнение для этой группы стран выглядит следующим образом:

$$J = abCefg.$$

Для этих стран также характерна объединяющая черта – наличие сецессий и, соответственно, нерешенного вопроса консолидации территориальных, национальных и политических границ.

В отличие от Азербайджана, речь идет об отделившихся территориях, официально признанных или получивших поддержку Российской Федерации. Вторая общая особенность – произошедшие «цветные» революции, которые фактически можно рассматривать как вторую попытку смены режима.

Наконец последняя группа представлена всего одной страной – Венгрией. Здесь логическая формула выглядит следующим образом:

$$O=ABcDefGH.$$

Отличия Венгрии от других стран, введших запрет на использование коммунистической символики, были описаны выше. По выделенным нами характеристикам Венгрия демонстрирует некоторое сходство с Чехией, в которой законодательство прямо не запрещает коммунистическую символику. Однако в Венгрии и Чехии были применены разные модели смены политического режима. Если в Венгрии принимали активное участие левые силы и «партия-наследница», сохранившая свое влияние в дальнейшем, большое значение имели круглые столы, то в Чехии смена осуществлялась более радикально. После «бархатной революции» была осуществлена люстрация. Эти события, а также проведение достаточно радикальных реформ и маргинализация компартии в Чехии отчасти сняли вопрос об институциональном и символическом коммунистическом наследии.

Пример Венгрии показывает, какое большое значение для принятия законодательства о запрете коммунистических символов имело обострение политической конкуренции. Во всех отобранных нами странах принятие соответствующих норм служило одним из инструментов политической борьбы и усиления влияния отдельных политических сил.

Как отмечалось выше, впервые коммунистическая символика была запрещена в Латвии. Запрет вступил в силу в 1991 г. под влиянием целого ряда ярких политических моментов, начиная с январского противостояния между демонстрантами, властями страны и советским ОМОНОм и заканчивая голосованием в парламенте за реставрацию довоенной независимости Латвии. Закон принимался в атмосфере не только противостояния республики и советского федерального центра, но и значительных разногласий между коммунистической партией Латвии и другими политическими силами по вопросу о независимости.

В 2013 и 2014 гг. упомянутые выше поправки к законодательству были введены также в условиях политического противостояния. Незадолго до этого партийная система Латвии претерпела изменения. В 2010 г. несколько партий объединились в более крупные, а в 2011 г. бывший президент республики создал Партию реформ Затлерса, занявшую второе место на внеочередных выборах. 2013 год был насыщен различными политическими событиями. Это кризис в правящем блоке политических партий, конфликт между правящим «Единством» и президентом по поводу отказа последнего утвердить отличающегося националистическими высказываниями министра обороны на посту премьер-министра и победа представителя оппозиционного блока «Центр Согласия» / «Честь служить Риге», поддерживаемого русскоязычным меньшинством, на выборах мэра латвийской столицы. К ярким событиям можно также отнести проведение в марте 2013 г. учредительного съезда Конгресса неграждан Латвии и выборов в Парламент непредставленных (лишенных гражданства и права участвовать в выборах и референдумах), а также активную деятельность членов Конгресса неграждан и Парламента непредставленных в международных организациях. И еще одно важное событие, уже 2014 г., выборы в Европарламент и Сейм Латвии и, соответственно, предвыборные кампании и подготовка к их проведению. На этих выборах активно обсуждалась тема влияния Москвы. Перед выборами в Европарламент Полиция безопасности даже опубликовала специальный отчет о «русской угрозе». Противостояние перед выборами и выход на первый план разногласий по вопросам национально-государственного строительства также было актуализировано принятием «латышской» преамбулы Конституции и заявлением правительства о ликвидации русских школ к 2018 г.

В Эстонии принятие поправок к Уголовному кодексу в 2007 г. происходило в атмосфере приближающихся выборов в Рийгикогу и обострившихся споров вокруг памятника воину-освободителю в центре Таллина, перемещение которого началось в конце апреля 2007 г. и сопровождалось активным противостоянием сторонников и противников этого действия с участием полиции. Параллельно ряд эстонских партий в октябре 2006 г. предложили законопроект о защите воинских захоронений. Соответствующий закон был принят парламентом в январе 2007 г. Закон дает основания для перезахоронения останков военнослужащих, которые по-

коятся в несоответствующих местах, а также в местах, где невозможно обеспечить надлежащий уход воинским захоронениям.

Законодательные нормы о запрете нацистской и советской символики в Литве также принимались на фоне приближающейся предвыборной кампании в сейм и соответствующего обострения политического противостояния между левоцентристскими и правыми, правоцентристскими партиями. Как и в Венгрии, в Литве партия – наследница коммунистической – активно участвовала в процессе демократизации и сохранила свое влияние в дальнейшем, что, по мнению Х. Велш, является одним из благоприятных условий использования отношения к прошлому режиму как инструмента в борьбе за власть.

Закон о запрете коммунистической символики был подписан президентом Польши Лехом Качиньским в 2009 г., в предпоследний год его президентства, когда перспектива его переизбрания на следующий срок не была очевидной. Принятие запретительных норм происходило на фоне политического сосуществования «Гражданской платформы» (партия большинства в парламенте и премьер-министр от партии) и «Права и справедливости» (президент – представитель партии). Напомним, что при Лехе Качиньском существенно обострились отношения между Россией и Польшей.

В Грузии соответствующие запретительные нормы принимались во время противостояния между президентом Михаилом Саакашвили и оппозицией, в атмосфере продолжающегося обострения отношений между Москвой и Тбилиси и в преддверии парламентских выборов 2012 г., имевших особое значение в связи с принятием в 2010 г. новой конституции.

В Молдавии принятие соответствующего закона также происходило на фоне политического противостояния между коммунистами и правящим альянсом. С одной стороны, коммунисты объявляли бойкот парламентских заседаний и проводили субботние акции протеста, а с другой – был закрыт подконтрольный коммунистам телеканал NIT. Этот период был также отмечен ослаблением Партии коммунистов в связи с выходом из ее рядов некоторых членов и дальнейшей борьбой между основными силами правящего альянса.

На Украине законы о декоммунизации принимались в апреле 2015 г. под влиянием событий 2014 – начала 2015 г. и обострения отношений с Россией: расстрел Майдана и бегство Виктора Януко-

вича, присоединение Крыма к России и война на Востоке Украины, досрочные выборы президента и Верховной рады в 2014 г.

В отличие от других стран, где была запрещена коммунистическая символика, в Венгрии не наблюдается такой прямой связи между выборами и принятием запретительных норм. Однако следует предположить, что, в отличие от 1993 г., когда запрет символики без санкций был закреплен в условиях относительного консенсуса основных политических сил по поводу смены режима и имел больше символическое значение, введение санкций за нарушение запрета в 2000 г. стало скорее инструментом в политической борьбе, которую вели Фидес и его лидер В. Орбан против своих политических соперников. В 2000 г. со вступлением в Европейскую народную партию и Европейский демократический союз завершилось преобразование возглавляемой им партии из либеральной в консервативную. В. Орбан, став премьер-министром после первой победы своей партии на выборах в парламент в 1998 г., стремился укрепить свою личную власть и власть партии, в риторике которой отсылки к прошлому коммунистическому режиму и связи с ним венгерских социалистов занимали существенное место. Несмотря на то что следующие выборы прошли в Венгрии в 2002 г., логично предположить, что закрепление санкций за нарушение нормы о запрещении коммунистической символики могло также служить инструментом политической борьбы.

* * *

Проведенный качественный сравнительный анализ показывает, что, несмотря на сходство некоторых характеристик, совокупность условий, в которых произошло принятие законов о запрете коммунистической символики, несколько различается в выделенных нами группах стран. Это полностью согласуется с представлениями о сложности и неоднозначности причинно-следственных связей в политической жизни, в которой разные сочетания условий могут привести к одинаковому результату.

Исследование показало, что введение норм о запрете коммунистических символов было инструментом политической борьбы, а сам факт их принятия и их характер зависели не только от внутриполитических разногласий и противостояния, но и от изменений на международной арене, в том числе в отношениях этих стран с Россией.

Список литературы

- Историческая политика в XXI веке: Сб. ст. / Под ред. Миллера А., Липман М. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 648 с.
- Мелешикина Е.Ю. Государственное строительство и институциональная трансплантация в посткоммунистических странах // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2016. – № 4. – С. 186–213.
- Мелешикина Е.Ю. Постимперские пространства: Особенности формирования государств и наций // Политическая наука / РАН. ИНИОН. – М., 2013 а. – № 3. – С. 10–29.
- Мелешикина Е.Ю. Советский эксперимент: Между империей и современным государством // Труды по руссификации: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. – М., 2013 б. – Вып. 4. – С. 325–338.
- Мелешикина Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе / РАН. ИНИОН. – М., 2012. – 252 с.
- Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.
- Configurational comparative methods / Ed. by B. Rihoux, C.C. Ragin. – Thousand Oaks; L.: Sage, 2008. – 209 p.
- Confronting the past: European experiences / Ed. by D. Pauković, V. Pauković, V. Raos. – Zagreb: Political science research centre, 2012. – 432 p.
- Frye T. Building states and markets after communism: The perils of polarized democracy. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2010. – 296 p.
- History of Communism in Europe. Vol. 1: Politics of memory in post-Communist Europe. – Bucharest, 2010. – 302 p.
- History, memory and politics in Central and Eastern Europe: Memory games / Ed. by G. Mink, L. Neumayer. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014. – 288 p.
- Grzymala-Busse A. Redeeming the past: The regeneration of the communist successor parties in East Central Europe after 1989. – N.Y.: Cambridge univ. press, 2002. – xviii, 341 p.
- Koposov N. Memory laws, memory wars: The politics of the past in Europe and Russia. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2017. – 340 p.
- Mahoney J., Goertz G. A tale of two cultures: contrasting quantitative and qualitative research // Political analysis. – Oxford, 2006. – Vol. 14, N 3. – P. 227–249.
- McFaul M. The fourth wave of democracy and dictatorship: Noncooperative transitions in the post-communist world // World politics. – N.Y., 2002. – Vol. 54, N 1. – P. 212–244.
- Memory and change in Europe: Eastern perspectives / Ed. by Pakier M., Wawrzyniak J. – N.Y.; Oxford: Berghahn books, 2015. – 388 p.
- Past in the making: Historical revisionism in Central Europe after 1989 / Ed. by Kopecek M. – Budapest: Central European univ., 2007. – x, 264 p.
- Ragin C.C. The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies. – Berkeley: Univ. of California, 1987. – 185 p.
- Ragin C.C. Redesigning social inquiry: Set relations in social research. – Chicago: Univ. of Chicago press, 2008. – 225 p.

- Rihoux B., Marx A.* QCA, 25 years after «The comparative method»: Mapping, challenges, and innovations // *Political research quarterly*. – Salt Lake City; Utah, 2013. – Vol. 66, N 1. – P. 167–235.
- Stark D., Bruszt L.* Post-socialist pathways: Transforming politics and property in East Central Europe. – N.Y.: Cambridge univ. press, 1998. – 284 p.
- Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration / Ed. by Bernhard M., Kubik J. – N.Y.: Oxford univ. press, 2014. – 362 p.
- Welsh H.* Dealing with the communist past: Central and East European experiences after 1990 // *Europe-Asia studies*. – Abingdon, 1996. – Vol. 48. – P. 419–428.